

Параллельно с передачей государственно-властных полномочий военным властям устанавливался и чрезвычайный порядок осуществления правосудия органами военной юстиции. В соответствии с Указом «О военном положении» на рассмотрение военных трибуналов передавались все дела о преступлениях, направленных против обеспечения обороны страны, общественного порядка и государственной безопасности, дела о спекуляции, злом хулиганстве и иных преступлениях – если военными властями это было признано необходимым по обстоятельствам военного положения (п. 7).

В целях координации имеющихся сил и средств в условиях военной агрессии новым чрезвычайным органом надведомственного характера, не имевшим закрепления в Конституции, стал Государственный комитет обороны, который во многом перенял функции Совета рабочей и крестьянской обороны и революционных комитетов, став временно высшим органом государственной власти СССР.

Для успешного решения боевых задач в районах, непосредственно примыкающих к линии фронта, устанавливался режим, являющийся более строгой разновидностью режима военного положения, – режим «прифронтовой полосы», предполагавший переселение населения вглубь территории, изъятие оружия и боеприпасов, соблюдение иных мероприятий оборонного характера. Угроза захвата местности противником, сложная оперативно-тактическая обстановка на фронтах предопределяли введение правового режима «осадного положения», который по своим условиям также являлся разновидностью режима военного положения, а его особенность заключалась в установлении более строгих по сравнению с военным положением режимных правил и усилении юридической ответственности за их нарушение. С.Г. Лысенков самым «суровым» среди всех чрезвычайных режимов, действующих во время Великой Отечественной войны, называет «режим выжженной земли», когда при вынужденном отходе советские войска с целью «...лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле...» уничтожали населенные пункты, коммуникации, промышленные предприятия, объекты жизнеобеспечения, продовольственные запасы и т. п.

В дальнейший период Великой Отечественной войны законодательство, регламентирующее особые режимы, существенных изменений не получило. Отдельные моменты, связанные с ведением военных действий, регулировались приказами военных властей.

Таким образом, на основании рассмотрения комплекса правовых актов советского законодательства периода Великой Отечественной войны, регламентирующего военное положение, можно сделать ряд выводов.

Обострение в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. международной обстановки и начало Великой Отечественной войны выявили значительные пробелы в законодательстве СССР в части регламентации особых режимов. Это послужило катализатором к созданию первых нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере, закрепивших принципы правового регулирования военного положения, актуальные сегодня.

Характерными чертами правового режима военного положения в период Великой Отечественной войны являются существенное расширение полномочий военных властей, расширение компетенции органов военной юстиции и усиление юридической ответственности за правонарушения, направленные против обеспечения обороны страны, общественного порядка и государственной безопасности. К характерным чертам особых режимов рассматриваемого периода можно отнести введение дополнительных ограничений прав и свобод граждан, а также обязанностей по обеспечению обороноспособности страны.

УДК 351.745.5

А.А. Киселёв

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПОЛИЦЕЙСКИХ УРЯДНИКОВ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1878 г.

Решение об учреждении в составе уездной полиции 46 губерний Российской империи должности полицейского урядника было принято 9 июня 1878 г. В число этих губерний вошли и белорусские, что является общеизвестным историческим фактом, но в отечественной историко-правовой науке и историографии отсутствуют сведения о социальном составе этой категории нижних чинов уездной полиции.

В целях восполнения данного пробела были проанализированы данные о 644 (98 % от всего штата) урядниках, назначенных на эту должность в белорусских губерниях в 1878 г. Это позволило составить обобщенный социальный портрет данной категории полицейских нижних чинов. В частности, 66 человек (10 %) по своему сословному происхождению принадлежали к дворянству. Еще три (0,5 %) урядника указали, что их дворянство не подтверждено герольдией. В одном случае в графе о происхождении значилось «из личных дворян». Выходцами из духовенства оказались всего 30 (4,7 %) урядников. Два (0,3 %) урядника происходили из обер-офицерских детей, один – из канцелярских детей. 10 (1,6 %) урядников определили свое происхождение как чиновники и их дети. 15 (2,3 %) человек принадлежали к сословной группе почетных граждан. 10 (1,6 %) человек можно отнести к разночинцам. Один урядник указал, что относится к казакам. К мещанам отнесли себя 90 (14 %) человек, к крестьянам – 117 (18,2 %), но больше всего лиц являлись нижними чинами армии из податных сословий – 298 (46,3 %).

Средний возраст всех урядников составил 36,2 года, но от губернии к губернии этот показатель заметно колебался. Так, самым «возрастным» оказался состав урядников Виленской губернии – 39,7 года, а самым «молодым» в Витебской губернии – 32,3 года. Эта разница становится еще более заметной при учете медианы. Так, в Виленской губернии 50 % всех урядников были старше 41 года, а в Витебской 50 % всех урядников оказались моложе 32 лет.

Интересную картину представили сведения о вероисповедании полицейских чинов. Так, 549 (85,2 %) урядников исповедовали православие. Вместе с тем среди подавляющего православного большинства нижних чинов на службе состояли 65 (10,1 %) урядников-католиков, причем 28 (43 %) из 65 полицейских католического вероисповедания служили в Виленской

губернии. Третьей по численности конфессиональной группой были мусульмане – 21 (3,3 %) человек. Характерно, что 13 из них, или 62 % всех мусульман, исполняли свои обязанности в Гродненской губернии, что неудивительно в силу компактного проживания большинства мусульман в ее пределах. Шесть (1 %) урядников принадлежали к протестантам, причем пять из них служили в Витебской губернии, что закономерно в силу латышского состава населения в северо-западных уездах этой губернии. Пятой по численности религиозной группой среди урядников стали караимы – два (0,3 %), которые служили в Виленской губернии, т. е. в местах компактного проживания караимской религиозной общины. Наконец, один (0,1 %) урядник Горецкого уезда Могилевской губернии указал иудейское вероисповедание.

Немалый интерес представляют данные об образовательном уровне стражей порядка. Самым распространенным вариантом стало домашнее образование, которое, по всей видимости, давало минимальные знания. Таких урядников оказалось 340 (52,8 %) человек, т. е. чуть больше половины, 50 (7,8 %) человек ограничились обучением в народных училищах. Столько же полицейских имели образование в объеме начального учебного заведения духовного ведомства. Правда, 3 (6 %) человека из 50 прекратили прохождение обучения, не завершив своего образования. Практически каждый 10-й урядник – 70 (10,9 %) человек учился в уездном училище, но из них 12 (17 %) не сумели по разным причинам окончить курс. 84 (13 %) урядника получили образование в полковых и дивизионных школах, батальонах военных кантонистов, фельдшерских, артиллерийских и иных военных школах во время своей службы.

Девять человек (1,4 %) имели образование, которое получили в специальных учебных заведениях разных ведомств: от писарских училищ до земледельческо-таксаторского класса. Два урядника учились в дворянских училищах, но только один из них окончил свое обучение. Четыре человека (0,6 %) поступили в учительские семинарии, но один из будущих урядников не сумел выучиться на преподавателя начальной школы. Один урядник являлся выпускником юнкерского училища.

Пять человек (0,8 %) пытались получить среднее образование в духовной семинарии, но трое урядников не смогли завершить свое обучение. 22 человека (3,4 %) указали, что учились в гимназии, но большинство из них – 17 (77 %) человек оставили гимназию, не завершив образование. В прогимназии учились четыре (0,6 %) урядника, но половина из них прервали свое обучение. Еще один урядник не сумел окончить кадетский корпус. Наконец, о двух урядниках сообщалось, что они выдержали экзамен на первый классный чин. Таким образом, из всех урядников полноценным средним образованием могли похвалиться лишь семь человек (1 %), чуть более половины ограничились домашним воспитанием, а остальные нижние чины имели начальное образование, полученное в различных учебных заведениях.

Следует отметить, что для трети всех новоназначенных урядников данная полицейская служба не являлась чем-то принципиально новым, поскольку 228 (35,4 %) человек накануне своего назначения занимали посты тысяцких в белорусских губерниях. Кроме того, 35 (5,4 %) урядников имели опыт службы на иных должностях по полицейскому ведомству Министерства внутренних дел: от помощника частного пристава до городского и выборного от крестьян сотского. 18 (2,8 %) человек имели некоторую подготовку к полицейской деятельности, поскольку они, прежде чем стать урядниками, служили нижними чинами Отдельного корпуса жандармов. Следовательно, более 40 % всех урядников имели полезный практический опыт, пригласивший их к исполнению обязанностей полицейского урядника. Почти каждый пятый – 138 (21,4 %) человек перешел на службу в полицию непосредственно из армии, а 125 (19,4 %) человек не имели вообще какого-либо административного или служебного опыта. Заметную группу – 37 (5,8 %) человек составили лица, служившие в органах крестьянского самоуправления: волостные писари, их помощники, старшины, старосты. 20 (3,1 %) человек исполняли обязанности канцелярских служителей в разных местных органах государственной власти: от уездного казначейства до мирового судьи. 13 (2 %) будущих урядников служили почтальонами. 11 (1,7 %) стражей порядка до начала своей службы работали учителями в народных училищах. Семь человек (1,1 %) служили объездчиками в лесной и корчемной страже, один (0,2 %) человек – в пограничной страже. Наконец, 11 (1,7 %) урядников до своей службы имели разный опыт – от псаломщика до начальника железнодорожной станции.

Таким образом, при учреждении должности полицейского урядника в белорусских губерниях на этот пост в 1878 г. назначались в большинстве случаев лица православного вероисповедания, с домашним или начальным образованием из низших податных сословий, чей средний возраст составил 36 лет. При этом лишь каждый пятый из них не имел никакого служебного или административного опыта. Чуть больше трети будущих урядников уже исполняли обязанности тысяцких в крае, т. е. были профессионально готовы к данной полицейской службе. Половина всех урядников проходили службу в армии.

УДК 351.74(09)(476) + 37(09)(476)

С.Ф. Лапанович

ОТ КУРСОВ ДО АКАДЕМИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ МИЛИЦЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

История милицейского образования в Беларуси насчитывает уже более 100 лет. После Октябрьской революции 1917 г. и создания ряда советских республик, в том числе Социалистической Советской Республики Белорусии (ССРБ, позже БССР) партия большевиков провозгласила курс на создание абсолютно нового государства. Поэтому новые органы правопорядка, названные в постановлении НКВД РСФСР от 28 октября (по старому стилю, по-новому – 10 ноября) 1917 г. рабочей (позже – рабоче-крестьянской) милицией, не были ни приемником полиции Российской империи, ни приемником милиции Временного правительства. Следовательно, советской власти необходимо было заново создать систему подготовки кадров рабоче-крестьянской милиции (РКМ). Кроме объективных условий послевоенного времени, которые характеризовались разрухой, голодом и социальной напряженностью, большой проблемой был низкий уровень образованности – в предшествующий период государство не ставило задачи широкой грамотности населения. Поэтому для РКМ (как структурного подразделения НКВД)